

студія / Ю. Мулик-Луцик. – Вінніпег, 1952. – 100 с.

12. Теория литературы : учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / [под ред. Н. Д. Тмарченко] / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – Т. I. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.

13. Топоров В. Н. Праздник / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 329–331.

14. Хализев В. Теория литературы: [учебник] / В. Хализев – М. : Высшая школа, 1999. – 398 с.

Ткаченко К.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

УДК 82

ТИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА

В статье характеризуются особенности художественного слова в прозе А. С. Пушкина на материале произведения «Капитанская дочка». Дается характеристика типам художественного слова согласно классификации М. М. Бахтина; анализируются полярные образы главных героев по словесному строю их речи с точки зрения теории литературы, синтаксиса и стилистики.

Ключевые слова: художественное слово, прямое интенциональное слово, объектное слово, двуголосое слово, персонаж, повествователь.

Ткаченко К.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови і літератури Донбаського державного педагогічного університету

ТИПИ ХУДОЖНЬОГО СЛОВА В ПРОЗІ А. С. ПУШКІНА

У статті схарактеризовано особливості художнього слова в прозі А. С. Пушкіна на матеріалі твору «Капітанська дочка». Надано характеристику типам художнього слова згідно класифікації М. М. Бахтіна; проаналізовано полярні образи головних героїв за словесною будовою їхньої мови з точки зору теорії літератури, синтаксису і стилістики.

Ключові слова: художнє слово, пряме інтенціальне слово, об'єктне слово, двоголосе слово, персонаж, оповідач.

Tkachenko K.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Department of Russian Language and Literature,
Donbas State Teachers' Training University

TYPES OF ARTISTIC WORD IN PROSE OF A. S. PUSHKIN

In the article characterized the feature of artistic word in prose of A.S. of Pushkin on material of work «Captain's daughter». Description is given to the types of artistic word, in obedience to classification of M. M. Bakhtina; arctic appearances of protagonists are analysed on the verbal line-up of their speech from point of theory of literature, syntax and stylistics.

Key words: *artistic word, direct word, object word, two-voiced word, character, narrator.*

Постановка проблемы. В зависимости от типа художественного слова в прозаическом произведении определяется тип повествования и его жанровая природа. Создает ли изначально автор жанр или всё же осуществляет свой замысел посредством слова героев. В. В. Виноградов пишет о многослойности или многоплановости стиля пушкинского исторического повествования. А. Т. Гулак отмечает, что граница между речью повествователя и персонажей подвижна. М. М. Бахтин в своей книге «Проблемы творчества Достоевского» в главе «Типы прозаического слова» выделяет три типа художественного слова: 1) прямое интенциональное слово; 2) объектное слово; 3) двуголосое слово.

Анализ последних публикаций. Объектом исследования выбраны работы А. А. Карпова, В. В. Виноградова, А. Т. Гулак, М. М. Бахтина, которые содержат разные точки зрения на организацию повествовательной функции слова героев и жанровую природу произведения «Капитанская дочка» А. С. Пушкина.

Цель статьи – охарактеризовать особенности художественного слова в прозе А. С. Пушкина на материале произведения «Капитанская дочка». Эта цель конкретизируется в таких **заданиях**: 1) дать характеристику типам художественного слова согласно классификации М. М. Бахтина; 2) проанализировать полярные образы главных героев по словесному строю их речи с точки зрения теории литературы, синтаксиса и стилистики.

Изложение основного материала. А. А. Карпов связывает мемуарную форму «Капитанской дочки» с общей тенденцией прозы Пушкина к объективизации повествования, с его интересом к подлинным историческим документам. В документальных жанрах А. С. Пушкина привлекали в первую очередь «непринуждённость и естественность, придающие рассказу о минувшем особое обаяние, запечатлённый в документе колорит эпохи, возможность нового осмысления известных происшествий» [6, с. 46].

Ирония рассказчика была призвана подчеркнуть его объективность, отсутствие тщеславия и вызвать доверие к повествованию. О двойственности образа Гринёва – участника событий и повествователя – пишет Н. К. Гей Эта двойственность определяет бинарную структуру повествования, в которой соотносятся два плана – событийный внешний мир и мир внутренний, переживаемый в словах [4, с. 211–220].

Происходит взаимодействие трёх возможных авторов того или иного высказывания: молодого Гринёва – участника событий;

Гринёва – автора мемуаров; самого Пушкина.

В. В. Виноградов пишет о многослойности или многоплановости стиля пушкинского исторического повествования. Он отмечает индивидуализацию речей персонажей, достигающую в «Капитанской дочке» наибольшей глубины. «Язык автора впитывает в себя речь и мышление персонажей, присущие им приёмы драматического переживания и осмысления событий. В стиле повествования выражается не только личность автора или образ старинного мемуариста, но остро звучат разные живые голоса эпохи» [3, с. 120–121].

А. Т. Гулак отмечает, что граница между речью повествователя и персонажей подвижна: повествователь то приближается к персонажам, отчасти захватывая сферу их словоупотребления, то отдаляется от них, становясь сторонним наблюдателем, чётко фиксирующим происходящее. «В результате возникают новые – не плоские, а объёмные – формы изображения действительности, вырабатываются более глубокие и сложные приёмы построения характера» [5, с. 55].

В связи с этими наблюдениями встает проблема романности слова в «Капитанской дочке». Именно для романа характерна диалогичность слова, его двуголосость. Обратим внимание на речь героев и повествователя, ограничиваясь двумя действующими лицами – Гринёвым и Пугачёвым.

Пушкин в романе говорит «через язык» Гринёва-старшего, автора «семейных записок». Его мировоззрение, его кругозор «привлекаются автором ради его продуктивности» [1, с. 126]. Гринёв, представляется нам натурой не «прозаической», как Белкин, а «поэтической». «Поэтическое» нужно понимать не как, имеющее отношение к ремеслу поэта, но как имеющее отношение к особой точке зрения на действительность.

М. М. Бахтин в своей книге «Проблемы творчества Достоевского» в главе «Типы прозаического слова» выделяет три типа художественного слова: 1) прямое интенциональное слово; 2) объектное слово; 3) двуголосое слово [1, с. 78–79]. К третьему типу М. М. Бахтин относит «рассказ рассказчика». Гринёв-рассказчик пишет о себе. Рассказ Гринёва преломляет авторские интенции. Слово автора не сливается со словом рассказчика, оно следует за ним, в направлении чужой интенции повествователя, «делая лишь это направление условным» [1, с. 86]. М. М. Бахтин в той же работе о творчестве Достоевского пишет о дистанции между словом автора и чужим словом (словом рассказчика в данном случае). Чужое слово – объектно. С уменьшением объектности дистанция утрачивается, и «рассказчик превращается в простую композиционную условность» [1, с. 91].

Это, например, рассказ Гринева о своём детстве, о приезде в крепость, о его пребывании там, о своих впечатлениях и т. д. Это то повествование, где наименее преломляются авторские интенции. Здесь чужое слово рассказчика выполняет функцию «прямого слова». В данном случае слово Гринева изображает. Речь утрачивает объектность, и становится речью изображающей. Но слово повествователя может и изображаться. Когда интенции автора усиливаются, т. е. когда чужое слово является проводником *идеи* художественного произведения, тогда и объектность слова усиливается слово автора как бы «отдаляется» от чужого слова. Чужое слово героя становится активным и само ориентируется на чужое слово.

Слово Гринева-повествователя находится в постоянном движении. Оно то «удаляется», утрачивая объектность и приобретая субъективную окраску (по типу воспоминаний), то «приближается», при этом объектность усиливается. Удаление и приближение дистанции – признак романности слова в «Капитанской дочке». Безусловно, важно кого именно выбирает, автор в качестве повествователя, а, значит, проводником своих идей. В «Капитанской дочке.» Рассказчик-дворянин, в какой-то степени близкий по духу и по убеждениям самому автору. Но это не значит, что высказывания Гринева относительно «русского бунта» и «социальных изменений» – это слияние слова автора и слова Гринева. Наоборот, эти обращения к потомкам наиболее объектны по отношению к самому автору романа. Эти высказывания появляются под воздействием чужого слова извне. Это «скрытая внутренняя полемика».

Одной из основных идей произведения, следовательно, одной из наиболее важных авторских интенций, является возобладание «человеческих» отношений над социальными. Взаимоотношения Гринева и Пугачева – наиболее важны в освещении этой проблемы. Герои абсолютно противоположны по социальному положению. Поскольку оно все же преодолевается, из этого следует, что преодолевается жизненная действительность и её ценности, которые имеют, в основном, социальную окраску. За пределами жизненных отношений становятся актуальными поэтические, а именно имеющие отношение к общечеловеческим ценностям. В разговорах с Пугачевым слово Гринева – повествователя становится словом поэта. Но Гринев не поэт, для него это слово чужое, это преломленное авторское слово. Слово героя переходит в онтологический план, где может говорить только художник, творец. Хотя именно Гринев является творцом своих отношений, удивительных отношений, с Пугачевым. Но всё-таки их отношения –

это жизненное событие, фабульное событие произведения, под которое как бы «подложен» онтологический план. Речь Пугачева в романе, переданная Гриневым, наиболее самостоятельна, интересна и поэтична. Пугачев – самозванец. Он говорит языком царя, как он думает: «Как ты смел, противиться мне, моему государю?» (с. 324) ¹ – обращался он к коменданту крепости. К своим подчиненным он говорит, как от лица народного царя: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайте его во всем...» (с. 334). Это слово активного типа с оглядкой на чужое слово. При первой беседе с Гриневым он тоже пытается говорить с ним на языке «великого государя»: «Или ты не веришь, что я великий государь?» (с. 322); «Так ли ещё тебя пожалую, когда получу свое государство!» (с. 332). Но здесь же он говорит: «Что, ваше благородие? Струсил ты, признайся?» (с. 331). Пугачев напоминает Гриневу, что он хоть и «благородие», но в его власти и теперь его очередь «жаловать». Слово самозванца находится в диалоге как бы с самим собой. «Такая речь словно корчится в присутствии или в предчувствии чужого слова, ответа, возражения» [1, с. 141]. Или: «Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать» (с. 335), – это звучит уже как пародия на самого себя. Слово Пугачева существует автономно по отношению к слову Гринёва. Вообще в откровенных беседах с Гриневым слова Пугачева всегда имеют оттенки чужого слова: слово «государя», слово вольного беглого казака: «Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» (с. 353); речь «главаря» бунтовщиков: «Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву» (с. 354). Нет в разговоре Пугачева откровенного, «человеческого» слова, как у Гринёва: «Но жить убийством и разбоем, значит, по мне клеветать мертвечину» (с. 353). Потому Пугачев посмотрел на него с удивлением. Самозванец везде воображает себя кем-то, в зависимости от жизненной ситуации, от обстоятельств.

Пугачев постоянно доказывает свою особость. Он всеми силами хочет превозмочь своё жизненное предназначение, хочет быть больше, намного больше, своей предрешенной «формы». Судьба даёт ему шанс показать свою огромную натуру. Его самозванство — это бунт против формы. И гибель Пугачева – это не торжество его предназначения, а наоборот, он получил «бессмертие» в народной памяти «о великом государе». Гринев, как и Пугачев, оказывается больше своей «формы», в которую

¹Произведения А. С. Пушкина цитируются по изд.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8, кн. 1-2. – Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 277–384. В круглых скобках арабской цифрой указывается страница.

облачило его государство, его сословие. Поэтому ему и интересен Пугачев и поэтому его сталкивает с ним жизнь.

Сложность структуры повествования «Капитанской дочки» связана с тем, что автор-повествователь выступает в различных формах: как мемуарист, как персонаж – участник событий; в некоторых случаях автор приобретает черты всезнающего повествователя. Каждому типу повествования соответствует определённая лексика, морфологические категории, синтаксические конструкции. А. В. Назарова выявляет в языке «Капитанской дочки» несколько пластов, соотносимых с разными культурно-идеологическими группами: живую разговорную речь, европеизированный светский слог, официальный стиль, военную лексику. «Пушкин свободно использует и комбинирует разные лексические средства, формируя внутренний мир персонажа, включающий в себя несколько ролей, каждая из которых предполагает свой язык и стиль поведения» [9, с. 59–66].

Исследователи говорят о динамизме пушкинского повествования, языковой основой для которого становится глагольность предложений, их минимальная распространённость. А. З. Лежнев отмечал, что «пушкинская прозаическая фраза, короткая, точная, лишённая всяких украшений, стремится к пределу «существительное плюс глагол». Этим объясняется особенность ритма пушкинской прозы, её стремительный темп» [7, с. 33]. Как пишет А. Гулак, динамичному изображению ситуации способствует смена форм времени глагола. Этот приём особенно ярко представлен в сцене захвата Белогорской крепости: формы глаголов прошедшего времени совершенного вида придают стремительный темп повествованию, формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида замедляют его, маркируя появление Пугачева.

Н. Н. Михайлова обращает внимание на еще один стилистический слой повествования в «Капитанской дочке» — народное ораторское слово [8, с. 253–257]. Особенно ярко оно воплотилось в указах Пугачёва (их красноречие Пушкин высоко оценивает и в «Капитанской дочке», и в «Истории Пугачёва») и в диалоге Белобородова и Хлопуши в сцене суда над Гринёвым в Бердской слободе. Н. Н. Михайлова выявляет двойную ориентированность народного красноречия в романе. Подлинные ораторские тексты Пугачёва были связаны не только с фольклорной традицией, но и с официальными царскими манифестами; это сочетание переходит в речь Пугачёва в романе и создаёт комический эффект.

Важной чертой пушкинского стиля является то, что он «пользуется лишь наиболее типическими и выразительными,

стержневыми – и в то же время не очень резкими — чертами языка изображаемого быта» [2, с. 118]. Архаические лексико-семантические приметы сохранены в романе минимально, остаётся лишь намёк на них, образ и знак языка эпохи. Такие знаки, расставленные в семантически узловых точках повествования, придают архаическую окраску соседним нейтральным участкам текста, создавая впечатление непрерывного воспроизведения речевых особенностей эпохи. Это позволяет говорить о наличии в романе «разветвлённой системы специальных сигналов, рассредоточенных в тексте и рождающих нужный художественный эффект» [10, с. 6]. Суть его состоит в быстром и сжатом обозначении предметов и событий, выбранных из широкого потока жизни и ставших опорными пунктами в создании целостного и объёмного образа эпохи. В этом своеобразие пушкинского исторического повествования в сравнении с историческими романами современников.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении словесного творчества поэта в связи с речевыми особенностями эпохи, изображенной в художественном произведении.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Бахтин М. М. – М. : Художественная литература, 1972. – 471 с.
2. Благой Д. Д. Душа в заветной лире : очерки жизни и творчества Пушкина / Благой Д. Д. – М. : Советский писатель, 1979. – 624 с.
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / Виноградов В. В. – М. : Гослитиздат, 1941. – 620 с.
4. Гей Н. К. Пушкин-прозаик. Жизнь – Творчество – Произведение / Гей Н. К. – М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2008. – 448 с.
5. Гулак А. Т. О стилистике романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / А. Т. Гулак // Русский язык в школе. – 1999. – № 3. – С. 54–59.
6. Карпов А. А. «Капитанская дочка» в контексте документально-художественной прозы А. С. Пушкина / А. А. Карпов // Стиль и время. Развитие реалистического повествования: межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1985. – С. 44–52.
7. Лежнев А. З. Проза Пушкина: опыт стилового исследования / Лежнев А. З. – М. : Художественная литература, 1966. – 263 с.
8. Михайлова Н. Н. Народное красноречие в «Капитанской дочке» / Н. Н. Михайлова // Пушкин: исследования и материалы. – Л. : Наука, 1991. – Т. XIV. – С. 253–257.
9. Назарова А. В. Структура повествования «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / А. В. Назарова // Русский язык в школе. – 1997. – № 1. – С. 59–66.
10. Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» Пушкина и судьбы исторического романа в России / Н. Д. Тамарченко // Болдинские чтения. – Н. Новгород : Издательство ННГУ, 1999. – С. 92–102.